
ДУШИ УМЕРШИХ В «ТАЙ-ПИН ГУАН ЦЗИ»

Как было замечено, в традиционной культуре любого народа важнейшую роль играют представления о волшебном, сверхъестественном, оказывающие глубочайшее влияние на культуру в целом и отражающиеся в самых различных ее аспектах. При этом едва ли не самыми значимыми оказываются представления о нематериальной составляющей человека (душе), о том, что происходит с душой после смерти, наконец, о загробном мире, куда она попадает, что для старого Китая — с идущим из глубины веков культом предков, возведенным в ранг культа принципом сыновней почтительности и тщательным следованием ритуалу — особенно важно. Мы располагаем достаточным количеством поздних источников, чтобы описать и изучить обрядность, связанную со смертью и похоронами, но для предшествующих эпох такие свидетельства или единичны, или фрагментарны, или извлекаются из сочинений теоретического характера, преимущественно философских трактатов, относимых к высокой словесности. Вряд ли в случае многоученых сочинений можно говорить об отражении простонародных верований, которые разделяли и люди простых сословий, и грамотные книжники. И здесь неоценимым источником сведений может стать классическая сюжетная проза, которая, не являясь литературой в современном смысле этого слова и не будучи обременена современными понятиями об авторстве и авторском вымысле, куда более фактологична, поскольку является результатом рефлексии поколений книжников, весьма педантично и щепетильно относившихся к любого рода информации. Мы не можем утверждать наверняка, верили ли авторы сборников во все то, о чем повествовали, однако несомненно одно: идущее от Конфуция (который не сочинял, но передавал) стремление сохранить знания и передать их последующим поколениям.

Реконструкция обыденных представлений о сверхъестественном в старом Китае, таким образом, осложнена фактом последовательной историзации даже, казалось бы, самых неисторических событий, однако представляется весьма перспективной — в силу наличия огромного массива источников, в том числе источников систематизированных, как знаменитая антология сюжетной прозы «Тай-пин гуан цзи» (太平廣記 «Обширные записки годов Тай-пин»).

Датированная X в., эта антология была составлена по распоряжению императорского двора; она, как сказано в предисловии, «изъясняет чувства всего сущего и пригодна для развития просвещения, зеркалом отражая наши дни и древность». В работе над «Тай-пин гуан цзи» авторитетной комиссией были задействованы 343 прозаических сборника, относящихся ко времени с эпохи Хань и по начало Сун (с 206 г. до н. э. по 977 г.)¹. Взятый из них материал был систематизирован по специальным тематическим разделам («святые-бессмертные», «даосское искусство», «загробное воздаяние» и пр.), так что «Тай-пин гуан цзи», будучи официальным, одобренным двором сочинением, естественным образом претендует на полноту разъяснения того или иного понятия (категории), вынесенного в заглавие одного из разделов — причем, не словами составителей, но на многочисленных приме-

¹ Составление антологии было начато в 977 г. по распоряжению сунского императора Тай-цзуна (на троне 967—998) коллегией из одиннадцати ученых (среди них были такие известные сунские книжники Ху Мэн (扈蒙 915—986) и Ли Му (李穆 928—984)) под руководством знаменитого министра и эрудита Ли Фана (李防 924—996) и закончено в 978 г.; название восходит к девизу правления, во время которого антология была составлена — Тай-пин син-го (976—983). Работа над антологией продолжалась два года; современные исследования показывают, что задействованных в работе сборников прозы было не 343, а около пятисот — видимо, некоторые материалы были добавлены при переизданиях. Материал в «Тай-пин гуан цзи» систематизирован по 52 тематическим разделам, в заглавия которых вынесены те или иные ключевые понятия (категории) традиционной китайской культуры; они, в свою очередь, членились на полторы сотни более мелких: так, большой раздел «Животные» включает подразделы «Быки», «Лошади», «Верблюды», «Ослы», «Собаки» и так далее. Важно помнить, что многие из тех сборников, рассказы из которых коллегия Ли Фана использовала в данной антологии, к настоящему времени утеряны, и это делает «Тай-пин гуан цзи» памятником уникальным. Существует довольно впечатляющая научная литература, посвященная этой антологии, например, многочисленные работы Чжан Го-фэна 張國風. См: Чжан Го-фэн. «Тай-пин гуан цзи» цзай лянсундэ лючуань; Он же. «Тай-пин гуан цзи» сунбэнь юаньмао као; и др.

рах, так, как это представлено в классической «низкой» прозе, и, следовательно, до определенной степени в народном сознании. В задачу работавших над «Тай-пин гуан цзи» входило составить наиболее представительный компендиум, выбрать самое характерное, яркое, типичное для той или иной категории. При этом следует учитывать специфику исходного материала, на котором базируется «Тай-пин гуан цзи», — главным образом, той самой дотанской и танской сюжетной прозы, в которой элемент волшебного, необычайного, сверхъестественного был преобладающим; это обстоятельство решительным образом повлияло на состав антологии¹. Без особого преувеличения можно назвать «Тай-пин гуан цзи» зеркалом традиционной китайской духовной культуры X в. Нас же в рамках настоящей работы «Тай-пин гуан цзи» будет интересовать прежде всего как источник бесценной информации о душах умерших, как их понимали в старом Китае.

В составе «Тай-пин гуан цзи» — сорок цзюаней, посвященных душам умерших (*гуй* 鬼)². Многие сюжеты в них, как и следовало ожидать, повторяются — тем легче вычленить основные мотивы, позволяющие нам составить более или менее полную картину традиционных верований, связанных с душами умерших.

В первую очередь мы видим, что души умерших, вернувшись в мир живых, могут вступать в контакт с последними *как наяву*, так и *во время сна*. Начнем с последнего.

Душа умершего мужа является во сне своей жене, движимая разными причинами, например, будучи обеспокоена судьбой захоронения своего тела. В рассказе «Воин из Сяньяна» (ТПГЦ,

¹ Это становится заметно уже при поверхностном знакомстве с оглавлением: так, например, из общего объема в пятьсот цзюаней в «Тай-пин гуан цзи» бессмертным посвящено 55 цзюаней, загробному воздаянию — 33 цзюани, душам умерших — 40 цзюаней и так далее.

² Интересно, что во многих древних текстах иероглиф *гуй* 鬼 объясняется через *гуй* 歸 — «возвращаться»: «Люди, которые "возвращаются", становятся гуй» (Шоуэнь цзецзы. С. 434). В древнем Китае для умерших существовало также название *гуйжэнь* 歸人, т. е. «вернувшиеся». Следует также добавить, что в старых китайских текстах словом «гуй» в ряде случаев обозначены не только души умерших в их различных проявлениях, но и существа нечеловеческого происхождения (например, зловредные, обладающие волшебными свойствами растения, животные или горные бесы 山鬼), но их мы оставляем за рамками настоящей работы.

322.3)¹ описывается как раз такой случай. При Цзинь, в начале годов Тай-юань (376—396), в войске, стоявшем в Сяньяне, умер один солдат, и земляк повез его тело на родину. За день до того, как он должен был приехать на место, умерший явился во сне к своей вдове и сказал, что вышла путаница, и домой везут вовсе не его тело; узнать же его тело можно будет по узлу волос, который в свое время жена завязала мужу перед расставанием, а он в память о ней сохранил нетронутым. Жена проснулась, и все вышло так, как говорил умерший — ее мужа увезли в другой дом, а к ней доставили тело чужое.

Бывают случаи, когда во сне к женщине является отсутствующий дома муж или некто третий, выдающий себя за ее мужа. В рассказе «Фэй Цзи» (ТПГЦ, 316.10) торговец по имени Фэй Цзи остановился со своими товарищами на ночь у горы Лушань, и они стали беседовать о том, кто сколько времени не был дома. Цзи сказал, что не видел жену уже несколько лет. На прощание взял у нее золотую шпильку, да забыл перед уходом на окне дома. В ту же ночь он явился во сне к жене и рассказал ей, что уже два года, как убит разбойниками. В доказательство же правдивости своих слов добавил, что оставляет взятую у нее шпильку на окне. Жена проснулась, глядь — а шпилька и впрямь лежит на окне! Она поверила, что ее муж погиб, и надела траур. Через год с небольшим явился живой и невредимый Цзи. Кто выдал себя за него — об этом в рассказе не сказано. Можно предположить, например, что одним из спутников Цзи, тех, с которыми он ночевал у Лушани, был умерший, который и явился к его жене во сне.

В свою очередь **душа умершей жены может явиться во сне мужу**, не будучи в силах с ним расстаться. В качестве примера можно привести много рассказов, ограничусь одним — «Лю Чжао», где жена приходит во сне к мужу и дарит ему на память о себе цепочку (ТПГЦ, 316.7). Жена также может прийти к мужу, разгневанная каким-нибудь его поступком. Люй Лунь, схоронив жену, женился на ее младшей сестре. И вот однажды во сне покойная явилась к Шуню и легла с ним. Она была холодна, как лед. Стала мужа ругать, корить за то, что женился на ее сестре. После этого разговора Шуня нашли мертвым (ТПГЦ, 322.4).

¹ Здесь и далее первая цифра означает номер цзюани в «Тай-пин гуан цзи» (ТПГЦ), а вторая — номер рассказа в цзюани. Я привожу в качестве примеров лишь некоторые из довольно обширного ряда типичных рассказов.

Душа умершего является во сне и другим людям, с которыми при жизни ее связывали дружеские узы, с целью помочь. Такие рассказы часто имеют буддийскую окраску. В рассказе «Юань Бин» умерший Бин приходит к другу во сне и дает ему совет, как вести себя, чтобы после смерти не быть наказанным за прижизненные поступки. Он советует более внимательно относиться к буддийским заповедям, поскольку на своем опыте убедился в их действенности. «Виденное мною при жизни не во всем согласовывалось с тем, о чем учат сутры, и я полагал, что совершенномудрые нарочно сгустили краски. То же, что я вижу ныне, — великая проверка на добро и зло, и в этом нет ничего странного, и оттого самый строгий запрет наложен на лишение жизни живых существ, никак нельзя нарушать его!» — сказал Юань Бин другу (ТПГЦ, 326.1).

Душа умершего, явившись во сне к другу, может выступать в роли посланца с того света, и приходит с тем, чтобы забрать друга с собой, поскольку срок его жизни вышел. Дун Гуань, прекрасно, кстати, владевший искусством гадания по знамениям сил *инь* и *ян*, водил дружбу с буддийским монахом Лин-си, и вот Лин-си умер. Однажды он во сне явился к Дун Гуаню. «Испугавшись, Гуань с неприязнью спросил: "Душа наставника, зачем ты явилась сюда?" "Срок твоей жизни истек, — с улыбкой отвечал Лин-си. — Вот я и пришел за тобой". Он потянул Гуаня за рукав. Гуань встал, оглянулся — а тело его лежит ничком на кушетке, будто он спит глубоким сном. "Ой-ой! А дом мой так далеко отсюда, да и родители еще живы! — запричитал Гуань. — Если я сегодня здесь умру, кто же тогда похоронит отца и мать?!" "К чему так расстраиваться из-за каких-то заблуждений? — возразил ему Лин-си. — Что зависит от человека? Только способность двигать руками и ногами, видеть и слышать. Всего-то!"». И Лин-си забрал Гуаня в загробный мир (ТПГЦ, 346.12).

Может душа умершего во сне обратиться к другу с просьбой — например, попросит его помочь родным перевезти тело на родину, поскольку в семье умершего для этого нет средств и т. д. (ТПГЦ, 332.6)

Однако гораздо чаще явление души умершего родственникам и друзьям происходит *наяву*, и такой контакт более продолжителен, чем во сне. В рассказе «Сяоу Сюань» (ТПГЦ, 317.10) описывается случай, когда душа умершего главы семьи является

домой после казни. Сыма Цзин-ван казнил Сяхоу Сюаня. Родственники казненного, как и надлежало по обычаю, соорудили алтарь и стали приносить усопшему жертвы. Тут же появился Сюань — сняв голову, он стал запихивать жертвенную пищу прямо в горло. Потом насадил на место голову и сказал, что подаст на казнившего его Сыма жалобу загробным властям, и того накажут. И действительно, вскоре Сыма Цзин-ван умер, не оставив наследника. Похожий случай описан в рассказе «Цзя Юн» (ТПГЦ, 321.13), где убитый разбойниками Цзя Юн возвращается домой на коне, тоже без головы, а голос доносится из живота. Казненный Дун Шоу-чжи ночью после казни явился домой к жене. Горько вздыхая и не отвечая на расспросы жены (которая еще не знала о гибели мужа), Дун обошел корзины с курами и исчез за воротами, а вышедшая со светильником жена нашла в корзине для кур большое количество крови. Утром ей принесли весть о смерти мужа (ТПГЦ, 327.9).

Душа умершего мужа приходит к жене с тем, чтобы возобновить с ней прежнюю супружескую жизнь. Утонувший в Янцзы Юй Сун через самое короткое время вернулся домой и зажил с женой прежней жизнью — словно и не умирал. Жена же, боясь его, звала служанку ночевать в свою комнату. Из-за этого муж сердился и ругал ее. Однажды, когда разговор зашел о деньгах, и выяснилось, что их нет даже для того, чтобы купить еды сыну, муж сказал: «К сожалению, я слишком рано покинул этот мир и обрек тебя на нищенское существование», — и дал жене две связки монет, чтобы она смогла купить еды. А через год жена тоже умерла (ТПГЦ, 329.5).

Душа умершего мужа может явиться домой, обеспокоенная поведением жены после его смерти. Один человек из Пучэна умер в пути. А в доме его хранился цзинь (около полукилограмма) золота, который жена после смерти мужа утаила от домашних для своих целей. Через год умерший с плачем явился домой, рассказал о золоте матери, а потом, взяв нож, обратился к супруге: «Почему ты не отдала мое золото матушке, а спрятала?!» — и хотел было убить женщину, но вмешалась мать: «Ты ведь умер, а хочешь убить человека. Непременно скажут, что убийца — я» (ТПГЦ, 355.5). А вот какой случай описан в другом рассказе: некто Сыма И, смертельно заболев, позвал жену и сказал ей: «Когда я умру, ты второй раз замуж выходить не смей, а

то убью!»). Жена обещала, но когда Сыма умер, ответила согласием на предложение соседа. Тут же верхом на лошади в ворота въехал Сыма И, выстрелил в жену из лука и чуть было не убил. Когда же женщина оправилась от раны, то от былой ее красоты не осталось и следа (ТПГЦ, 321.7). То же бывает и в отношении жены к мужу: некий Юань дал лежащей на смертном одре жене клятву не жениться в другой раз, но как только она умерла, тут же женился. Покойная явилась и нанесла ему сильную рану ножом: «Вы ведь клялись в верности, что же не держите слово?!» (ТПГЦ, 322.12).

Душой умершего может овладеть желание навести порядок в делах. Умерший Ли Цзай через день после смерти вновь ожил. Домашние собрались вокруг него, стали кормить, расспрашивать и всячески тормошить. Ли объяснил, что уже умер, но вернулся, поскольку встретил в загробном мире свою первую жену, госпожу Цуй, а та, узнав, что Ли женился во второй раз, жутко разгневалась, и Ли, опасаясь, как бы она не навредила кем-либо его новой жене, вернулся. Он совершил раздел имущества, отослал жену в дом ее родителей, и лишь после этого умер снова (ТПГЦ, 338.7).

Душой умершего может двигать забота о детях. Умерший отец, вернувшись домой к детям, обращается к ним с наставлениями. Некий Хуа И, спустя семь лет после смерти невидимым вернулся домой. Был слышен только его голос, но после многочисленных просьб домашних Хуа показался. Стал наставлять своих сыновей, говоря, что его жизнь была так коротка потому, что он при жизни совершил некоторые неблагоприятные поступки (ТПГЦ, 322.16).

Душа умершего, вселившись в живого человека, может говорить его устами. Очень часто это происходит именно с родственниками, в частности, есть ряд рассказов, где душа умершего отца вселяется на время в сына и говорит через него. Чиновник Гунсунь Да умер. В похоронной церемонии принимали участие все его родственники, а также все чиновники из управления, которым заведовал Гунсунь. Вдруг — сын Да заговорил голосом отца. Дух усопшего через сына велел всем перестать плакать и стал давать наставления («и сказал более тысячи слов»), а потом потребовал кисть и бумагу, исписал целый лист, бросил его на землю и только тогда ушел (ТПГЦ, 316.2). А вот какое описание

дается в рассказе «Го Фан»: «Его малолетний сын вдруг слег, словно пораженный болезнью, перестал узнавать окружающих и его устами стал говорить дух. Голос был как у отца» (ТПГЦ, 320.1). То есть войдя в чужое тело, дух тем не менее сохраняет способность говорить своим прижизненным голосом, отличным от голоса того, в чье тело он вселился.

Часто душа умершего отца возвращается домой, как посланец из загробного мира, чтобы забрать с собой души тех родственников, чей жизненный срок вышел (ТПГЦ, 337.3). Это похоже на аналогичные случаи во сне. Бывает, душа главы семьи желает помочь родным, оставшимся без кормильца, советом или предсказанием и т. д. (ТПГЦ, 325.16).

Душа умершей жены тоже может вернуться к живому мужу, будучи тронута его безутешным горем. Приведу весьма любопытный пример. Некий Ху Фу-чжи и его жена десять лет прожили вместе, и вдруг жена умерла. У них не было детей, и из-за этого Ху безутешно горевал. «Внезапно жена поднялась и села: "Ваше, господин, горе так тронуло меня! Тела моего еще не коснулось тление, поэтому мы можем воспользоваться этим свиданием. Если вы соединитесь со мной как при жизни, то я рожу вам сына", — сказала она и снова легла. Фу-чжи поступил, как она сказала и, не зажигая света, в темноте слился с нею». И действительно, через девять месяцев жена (а все это время она лежала на смертном одре) родила ему сына, а уж после этого умерла окончательно (ТПГЦ, 321.12).

Душа жены может прийти к мужу, чтобы попрощаться с ним перед вечной разлукой. Такой случай описан, например, в рассказе «Хуань Дао-мин» (ТПГЦ, 319.2), где покойная жена пришла к мужу и провела с ним целую ночь на одном изголовье. Она пришла попрощаться, поскольку ей уже назначили новое перерождение. Интересно, что жена, вернувшись домой, не смогла обойти входной экран, сооружавшийся в традиционном китайском доме перед входом во внутренний двор, чтобы злые духи не могли проникнуть в жилище (поскольку про них известно, что духи умеют двигаться только по прямой). Только с помощью мужа душа умершей смогла войти — он вышел с лампой из дома и увидел ее руку, высывающуюся из-за экрана. В рассказе же «Ван Гуан-бэнь» (ТПГЦ, 330.4), в отличие от вышеприведенного, где действие происходит ночью, жена возвращается домой среди бе-

ла дня, тронутая тем безутешным горем, каким охвачены все ее домашние. Любопытно, что, кроме ее бывшего мужа, умершую более никто не видит, хотя голос слышат. «У людей и душ умерших разные пути, и я не могу задерживаться надолго. О, как это печально!» — типичная присказка души умершего (умершей).

Не найдя после смерти успокоения, **душа умершей женщины может, невидимая, явиться домой и совершать всякие безобразия.** Вскоре после того, как чиновник Мэн Сян схоронил жену, в его доме сами собой начали распахиваться двери и окна, были слышны дикие завывания, в воздухе, в опасной близости от людей, неизвестно кем брошенные, пролетали ножи и т. д. Невидимый дух жены Мэн Сяна опознали по звукам ее голоса. Выяснилось, что она не находит успокоения из-за того, что в юности убила курицу. Только после вмешательства даоса, владеющего искусством заговоров, все прекратилось (ТПГЦ, 325.2).

Может вернуться домой и душа умершей матери, обеспокоенная тем, как складывается судьба детей после ее смерти, или просто тоскуя по ним. Жена военачальника Чжана умерла, оставив пятерых сыновей. Чжан вскоре женился во второй раз; новая жена оказалась женщиной жестокой, стала тиранить сирот, даже плетью их била. Доведенные до крайности, дети пришли с плачем на могилу матери, и та вдруг вышла к ним. Она передала детям стихотворение для их отца, которое написала на собственном белом головном платке. В стихотворении женщина рассказала мужу, как мучаются дети, и отец их защитил (ТПГЦ, 330.5). А житель Чанъяня Ма Чжэнь однажды услышал стук в ворота и, выйдя, обнаружил мальчика с ослом, который нагло утверждал, что какая-то женщина наняла его с тем, чтобы доехать сюда с восточного рынка, вошла в дом, и он теперь ждет оплаты. Ма очень удивился, так как никто за это время в дом не входил, но требуемую сумму заплатил и отпустил мальчика. Такая же история повторялась еще четыре раза, пока, наконец, Ма не подкараулил эту женщину, оказавшуюся его матерью, умершей одиннадцать лет назад (ТПГЦ, 333.7).

В рассказе «Ван Бао-чжи» описывается случай, когда к уже взрослому сыну приходит умершая мать, чтобы предупредить об опасности. «Если в тот день, когда ты увидишь белую собаку, ты сумеешь уехать на восток за тысячу ли (ли — около полукилометра. — И. А.) и прожить там три года, то избежишь беды!» На

другой день Ван действительно увидел такую собаку и, не мешкая, уехал на восток. Через три года вернулся, и к нему снова явилась мать. Она сказала что, поскольку Ван сделал все правильно, то доживет теперь до восьмидесяти лет. Так и случилось (ТПГЦ, 320.10).

В ряде рассказов описаны случаи, когда **душа умершей невесты, при жизни не успевшей вступить в брак, приходит в дом жениха и справляет с ним свадебный обряд**, причем жених прекрасно осведомлен о смерти своей суженой. Дочь одного князя полюбила юношу по имени Хань Чжун и дала ему слово выйти за него замуж. Хань Чжун заслал сватов к ее отцу, князь в гневе их выгнал. Девушка в отчаянии удавилась. Ее похоронили. А Хань Чжун в это время был в княжестве Лу (Шаньдун), где учился, и вернулся оттуда только через три года. Родители рассказали ему о смерти возлюбленной, юноша с рыданиями явился на ее могилу и принес там жертвы. Появилась умершая, Хань Чжун в восторге привел ее домой. За три дня были проведены все необходимые обряды, и они стали супругами. Дева подарила Ханю жемчужину и ушла. Тогда Хань явился к князю, ее отцу, обо всем ему рассказал, и князю пришлось признать юношу своим зятем (ТПГЦ, 316.1, см. также ТПГЦ, 324.12).

Среди «возвращающихся» бывают и младшие члены семьи, обеспокоенные, как и старшие, судьбой захоронения своего тела. Именно поэтому возвращается домой сестра Ли Ина, умершая на чужбине и похороненная там. Она сообщает брату, что разбойники разорили ее могилу (ТПГЦ, 336.5). Причиной возвращения может стать и договор, который заключила умершая (умерший) перед смертью с каким-либо своим родственником или другом. Так, в рассказе «Вэй Хуан» (ТПГЦ, 327.1) говорится о том, как жена начальника уезда Чжоу, госпожа Вэй, угovorилась с младшей сестрой мужа, что та из них, которая умрет раньше, придет потом рассказать о загробном мире. И вот, родив двух дочерей, Вэй умерла, а через месяц неожиданно вернулась как ни в чем не бывало домой, заговорила с домашними и рассказала, что уже побывала на приеме у владыки ада Яньло-вана.

Душа умершего сына возвращается домой к родителям. Такой случай описан, например, в рассказе «Ван Мин» (ТПГЦ, 320.9). Сын Ван Мина через год после смерти неожиданно вернулся домой, созвал всех родственников и стал с ними беседовать

о былом. Он сказал, что после смерти каждый искупает преступления, совершенные при жизни, а также посоветовал, как уберечься от душ умерших, проходящих за теми, кто должен умереть: сделать в доме высокие пороги, тогда умерший, зайдя в дом, споткнется, упадет и забудет, с какой целью пришел.

В ряде рассказов описывается **возвращение души умершего к своим друзьям наяву**. Придя к приятелю (который, как правило, ничего еще не знает о смерти друга и потому реагирует спокойно на его появление), умерший беседует с ним как при жизни. Ань Фэн и его друг Сюй Кань, оба способные и эрудированные молодые люди, собрались ехать вместе на экзамены в Чанъань, но Кань, отличавшийся почтением к родителям, не смог расстаться с матерью, и Ань тогда поехал один. В Чанъани он пробыл десять лет. Все это время он безуспешно пытался сдать экзамены и пробиться в ряды чиновников. Вдруг неожиданно приехал Сюй Кань. Друзья, радуясь встрече, несколько дней провели вместе на постоялом дворе и все беседовали, не переставая. Потом Сюй сказал, что уже год, как покинул родной дом, и очень беспокоится, как там без него старая мать. Он предложил Аню вернуться домой вместе с ним, но он отказался, сославшись на то, что еще не добился желаемого. Друзья расстались, и только потом Ань узнал, что его друг умер три года назад. Впрочем, Сюй намекал на это в стихах, последняя строчка которых была: «И у [Желтого] источника позабыть бывшее трудно» (ТПГЦ, 344.5)¹.

¹ 黃泉. Одна из традиционных метафор загробного мира. Упоминается еще в «Цзо чжуань» (左傳 «Комментарий Цзо») как место, куда направляется душа после смерти: «Не пойдешь к Желтому Источнику, не увидимся более» (запись датирована 721 г. до н. э.; Л. Томпсон подчеркивает, что этот термин впервые встречается в «Цзо чжуань» — *Thompson L. G. On the Prehistory of Hell in China*. P. 29). Из того же памятника известно, что Желтый Источник располагается под землей, но описание этого места или какие-либо иные сведения о нем отсутствуют. У Сыма Цяня (司馬遷 145/135? г. до н. э. — ?) в «Ши цзи» (史記 «Исторические записки») сказано, что «жизненная сила Света, достигнув Желтого Источника — царства мертвых, рвется вверх» (Сыма Цянь. Исторические записки. С. 101). Желтый Источник — первое известное нам китайское обозначение загробного (подземного) мира. Не менее распространенное и, судя по всему, более раннее значение выражения «желтый источник» — подземный ключ. Так, в книге Мэн-цзы, например, сказано: «Ведь дождевой червь — поднимается вверх есть сухую землю и спускается вниз пить воду из желтого источника» (Мэн-цзы чжэн и. С. 274). Комментатор отмечает, что «желтый источник» имеет также смысл «подземное царство мертвых», но в данном случае речь идет исключительно о подземном ключе. В «Хань шу» (漢書 «История династии Хань») читаем: «Желтый Источ-

Нередко душа умершего идет и на обман друга. Так, приятель Син Цуня Чжу Гуань, тяжело заболев, вдруг внезапно явился к Сину. Тот, конечно, справился, как Чжу себя чувствует, и Чжу сказал, что болезнь прошла, тогда как на самом деле он умер, о чем Син еще не знал (ТПГЦ, 351.1).

Нередко **умерший дает другу совет или предсказание.** Чаще всего это совет следовать учению Будды и в первую очередь не причинять вреда живым существам. Умерший Юй Шаочжи пришел к другу в колодках и весь избитый. Он сказал, что пришел дать совет, поскольку при жизни они были в очень хороших отношениях. «Нельзя убивать живых существ. А если не можете порвать с этим, тогда хотя бы не забивайте быков! Когда же будете есть мясо, воздерживайтесь от сердца... Ведь сердце — это хранилище духа. Такое преступление — особо тяжкое». Уходя, Юй попросился с другом и сказал, что через три года они встретятся, имея в виду, что через три года друг тоже должен умереть. Так и вышло (ТПГЦ, 321.10). В некоторых рассказах описываются случаи, когда не мирянин, убедившийся в действенности принципа воздаяния, но умерший буддийский наставник (法師 *фаши*) возвращается к другу, чтобы поделиться собственным, если можно так выразиться, загробным опытом, подтверждающим правдивость учения Будды. Буддийский запрет на употребление в пищу мяса убитых животных обыгрывается в разных ситуациях, когда души умерших (чаще адептов буддизма) приходят к друзьям поделиться горьким опытом: «При жизни я не мог отказаться от мяса, а теперь угодил в Ад Голодных Собак!» (ТПГЦ, 322.13, и др.).

Душа умершего часто помогает друзьям. И это не всегда та помощь, какой друг мог бы ожидать: в ряде рассказов описываются ситуации, когда душа умершего оказывает живому другу такие услуги, которых от нее никто не просит, причем делает это из самых лучших побуждений. Вот, например, рассказ «Ван Чжиду» (ТПГЦ, 322.8). Ма Чжун-шу и Ван Чжи-ду были очень дружны, потом Ма умер, а через год появился и заявил, что его очень заботит то обстоятельство, что Ван до сих пор не женат и что ре-

ник под землей, мрачен в глубине! Родившись, человек непременно встретит смерти час» (Хань шу. Т. 9. С. 2762). Для нас в любом случае важно, что место это расположено под землей. Другой синонимический термин, принятый для обозначения этого места *Цзюцюань* 九泉, Девять Источников.

шение этого вопроса он берет на себя. Ма пообещал, что женит Вана и даже установил срок, когда привезет невесту, велел сделать к этому времени необходимые приготовления. В назначенный день вдруг начался сильнейший ураган, стемнело, а когда вихрь промчался, Ван в своей спальне обнаружил девушку. Когда она очнулась, выяснилось, что девушка эта из Хэнани, и сюда ее принес ураган. Усмотрев во всех этих событиях волю неба, Ван и девушка поженились.

Душа умершего может прийти в мир людей не только к знакомым при жизни людям, но и к совершенно посторонним, и это тоже возвращение — в том смысле, что душа умершего стремится вернуться к нормальной человеческой жизни. Незнакомым людям умерший также может являться как во сне, так и наяву; на короткое и на достаточно долгое время — в первом случае умерший навевается, как правило, к больному человеку. Рассмотрим некоторые характерные случаи явления души умершего *во сне*:

Душа является, чтобы обратиться с просьбой. Так было с больным военачальником Сыма Тянем, к которому во сне явился старец, назвавшийся Дэн-гуном (а рядом с тем местом была кумирня Дэн И (鄧艾 197—264), знаменитого полководца царства Вэй, представлявшая из себя травяную хижину). Старец обратился с просьбой отремонтировать кумирню, и Сыма распорядился покрыть крышу черепицей (ТПГЦ, 318.19). Заметим, что дух попросил не первого встречного, но чиновника, занимающего немалую должность, т. е. человека, по своему служебному положению вполне способного выполнить и не такую просьбу¹.

Душа умершего может также явиться во сне, привлеченная талантами человека. Так было с Дуань Вэнь-чаном, который, заночевав в лодке, вечером стал играть на цине и вдруг услышал чьи-то вздохи снаружи. Перестал играть — и вздохи прекратились. Выглянул — никого. Заиграл — опять кто-то взды-

¹ Местный чиновник в старом Китае вообще мыслился владыкой не только населения вверенной ему области (уезда), но и всех проживающих на этой территории животных, а равно и духов, чьи кумирни (могилы) стояли на подвластных ему землях. С яркими примерами из этой области читатель сможет ознакомиться в главе данной книги, посвященной сборнику Лю Фу.

хает! Ночью ему приснилась девушка, которая рассказала о своей трагической судьбе: у нее умерли родители и она сама была вынуждена покончить с собой. Родители девушки были мастера играть на цине, и вот, услышав игру Дуаня, девушка вспомнила былое и очень расстроилась (ТПГЦ, 341.7).

В целом ряде случаев душа умершего является к незнакомому ей человеку на краткое время *наяву*. Приведу несколько примеров:

Душа умершего танцует и поет. Некий человек ночью видел в городе Яочэне двух умерших — каждый ростом более чем в три чжана (т. е. более десяти метров), которые танцевали и пели. Попели и исчезли (ТПГЦ, 346.7).

Душа умершего кричит. Подобный случай описывается, например, в рассказе «Ни Юань-чжи» (ТПГЦ, 330.14). Некий человек ростом немногим более восьми чи (т. е. около двух с половиной метров) появляется по ночам и кричит печальным голосом до самой полуночи. Потом исчезает. Эти и подобные им случаи (так, душа умершего может, например, танцевать или бегать вокруг какого-то места и т. п.) происходят, как правило, на могиле или в непосредственной близости от могилы, или же на том месте, где брошены без захоронения останки. Таким образом душа умершего выражает свои эмоции или хочет подать живым знак, не будучи в силах сделать большего (например, вступить в беседу).

Душа умершего оставляет свои стихи. Монах одного из буддийских храмов в Сучжоу однажды ночью увидел двух людей в белых одеждах, которые поднялись на башню этого же храма. Монах долго ждал, но они так и не спустились вниз. Тогда монах поднялся вслед за ними на башню, но никого не обнаружил. Днем же он нашел на стене три стихотворения, которые написали ночью те души. Одно из стихотворений начинается так:

У мира светлого и темного — разные пути.
Когда-то мы, ничтожные, слагать стихи умели.
Коль хочешь знать, где мы уединенно спим,
Знай: к северу от гор — две одинокие могилы.

Рассказ заканчивается упоминанием о том, что эти стихи и до сих пор можно видеть на башенной стене (ТПГЦ, 338.3).

Стихи души умершего могут быть приурочены к какому-либо празднику, например, к празднику ханьши или цинмин

(ТПГЦ, 354.6), которые для душ умерших очень актуальны, ибо посвящены непосредственно им¹. В качестве автора стихов умерший ведет себя как обычный китайский книжник.

Душа умершего может явиться незнакомому ей человеку как безмолвный предвестник дурного. Лю Лан-цин как-то увидел высокого господина в очень внушительном одеянии. Господин стоял молча и на испуганные расспросы Лю не отвечал. Потом исчез, а через некоторое время после этого Лю был за проступок отправлен в ссылку (ТПГЦ, 326,3). Более того, душа умершего может явиться как предвестник смерти. Некий человек по фамилии Лю как-то увидел странное существо: «Морда как у льва, щеки заросли белым волосом, ростом в чи с небольшим (т. е. немногим более 30 см. — И. А.), а руки и ноги человеческие» (ТПГЦ 326.6). Часто в таких рассказах фигурируют исторические лица — например, знаменитый поэт Се Лин-юнь (謝靈運 385—433), к которому незадолго до смерти пришел казненный перед этим Се Хуэй (謝晦 390—426), держа в руках свою голову (ТПГЦ, 323,7).

Душа умершего может явиться к незнакомому ей человеку и как предвестник добра, но это нетипично. В рассказе «Лю Чэн» читаем: «Живший в пятом году цзиньского девиза правления И-си (409) Лю Чэн постоянно видел души умерших и стал помощником начальника области» (ТПГЦ, 320.15). Однажды Лю увидел странного мальчика, через несколько дней после чего случился большой пожар. Способность видеть души умерших присуща героям и некоторых других рассказов. Подобное умение обретается в результате определенных достижений в овладении истинным Путем или даруется от природы. Так, некий Ху «мог видеть умерших. Даже если и не хотел, все равно ничего не мог с этим поделать» (ТПГЦ, 319.4).

¹ Ханьши (праздник «холодной пищи») восходит к древнему обычаю обновления огня; в это время на три дня в очагах гасили огонь и питались заранее приготовленными лепешками, молочными продуктами, рыбой. Символом этого праздника была ива: ее ветвями украшали двери домов и паланкины. Цинмин же, или праздник «чистого света», следовал непосредственно за ханьши и с течением времени практически слился с ним в единое целое. Цинмин, зародившийся не ранее III в., был в первую очередь днем поминовения усопших: в этот день китайцы всей семьей приходили на могилы предков, убирали их, возжигали благовония, совершали жертвоприношения.

Душа умершего охотно помогает человеку, когда он обращается к ней с просьбой о помощи. Так, застигнутый снегопадом и вынужденный ночевать в лесу человек обратился к душам умерших с просьбой охранять его сон, и те всю ночь сторожили его (ТПГЦ, 331.9). Другой умерший помогает деньгами сироте (ТПГЦ, 320.14) и т. д. Но если человек не понимает, что душа умершего пришла ему помочь и отвергает эту помощь, то дело оборачивается к худшему. Так было с военачальником Чжао, который, сильно заболев, увидел человека в желтом платье, подошедшего к треножнику, где сын Чжао готовил лекарство для отца, и бросившего в лекарство пилюлю белого цвета. Всего этого сын Чжао не видел, и Чжао ему рассказал. Сын, думая, что пришелец добивается смерти отца, вылил лекарство и стал готовить другое. Через некоторое время снова появился давешний человек и снова бросил пилюлю в лекарство. Лекарство снова вылили. Больше дух не появлялся, а Чжао через несколько дней умер (ТПГЦ, 346.2). Иногда души умерших пытаются оказывать живым услуги, которых от них никто не ждет: «Цзиньши Дуань Хэ жил в арендованном помещении квартала Кэхуфан. На восьмой год Тай-хэ он слег больной и лишь через месяц ему стало немного лучше. Как-то днем он вымыл волосы, сидел и расчесывал их гребнем. Вдруг из щели в стене вылез какой-то человек — совершенно голый, он безо всякого стеснения встал перед Хэ. Внимательно его оглядел, а потом говорит: "Ну вот, заболели, а жены нет, некому за вами ухаживать! А ну умрете, тогда как?" Сообразив, что перед ним душа умершего, Хэ отвечал: "Да я ведь беден, где уж мне жениться!" "Позвольте мне быть для вас госпожой свахой! Тут в одном доме есть девушка — большой красоты и выдающейся добродетели. Все ее родственники занимают высокие посты, а дальней родни у нее не счесть!.. У меня есть средства, так что вы, сударь, можете не беспокоиться о свадебных подарках", — сказал незнакомец. Хэ в ответ: "Да я ведь еще, как говорится, не создал себе имени, у меня и мыслей о женитьбе нет!" "Уж вы не церемоньтесь! — отвечал тот. — Это ничего, ничего! Сегодня же я устрою вам знакомство". И направился к воротам. Через самое короткое время вернулся, доложил: "Уже прибыла!" Тут же вошли четверо, неся вызолоченный паланкин, следом за паланкином шли две служанки, одна со взрослой высокой прической, а другая еще с детской, обе — красавицы. По-

том двое слуг в синих головных повязках внесли шкатулки с драгоценностями и сундуки с одеждой. Поставили во дворе. Сват велел нести невесту во флигель, затворил за ней дверь и вернулся к Хэ: "Невеста из высокой семьи прибыла! Никаких церемоний совершать не надо. Разве вы против?" Хэ до того разгневался, что ему вдруг стало хуже, и он даже голову не смог оторвать от изголовья. "Вы хоть взгляните разок на невесту", — просил сват. Так он обратился к Хэ еще раза три, но Хэ наотрез отказался...» (ТПГЦ 349.3).

В доме человека заводится душа умершего. Это весьма частый случай, если учесть стремление умерших к возвращению в мир людей. Так, в доме Чэнь Си-ле завелся призрак, который читал нараспев стихи и пел песни. Стали его спрашивать, кто он и откуда и что тут делает. «Гуляю в этих местах. Погуляю немного и уйду», — отвечал тот. Потом выразил желание получить в жертву одежду и пищу. Когда ему отказали в требуемом, стал ругаться, а вскоре исчез (ТПГЦ, 335.4).

Поскольку человек (с семьей) и душа умершего обитают в одном доме (и часто это дом умершего, где теперь живет другой человек), между ними необходимо должны установиться какие-то отношения, и **умерший признает превосходство человека, если он имеет заслуги в каком-либо роде деятельности.** Военачальник Чэнь поселился в казенном помещении, которое пользовалось дурной репутацией: жившие в нем чиновники заболели и умирали. Чэнь сразу же после переезда среди бела дня стал встречать всяких удивительных существ и поначалу пытался с этим бороться: стрелял из лука, бесстрашно бросался на них с мечом или палкой. Так продолжалось довольно долго, и вдруг однажды из воздуха раздался голос: «Я — душа умершего и не желаю жить с человеком под одной крышей. Но вы, сударь, обладаете мудростью и прямоотой, поэтому я хотел бы служить вам как старшему брату. Позволите ли?» Чэнь согласился, и с этих пор безобразия прекратились. Установив с Чэнем братские отношения, умерший часто вступал с ним в беседы, предупреждал, когда должно было случиться что-то недоброе, а Чэнь приносил ему жертвы, когда тот просил (ТПГЦ, 355.3). Такое мирное со-

существование вполне типично и может продолжаться бесконечно долгое время — пока человек не умрет или пока загробные власти не переведут душу умершего в другое место (ибо в потустороннем мире, как и в мире живых, каждая душа приписана к определенной местности и может невозбранно покинуть ее только с согласия загробных властей). Но в случае с военачальником Чэнем история закончилась иначе: Чэнь неожиданно пригласил мага, который составил на умершего жалобу и сжег ее на алтаре. Такой поступок неожиданен тем более, что умерший не делал Чэню ничего дурного, а напротив — приносил пользу, да и сам он тоже не понял, почему такое произошло: «Мы с вами, сударь, стали братьями, как же могли вы подать доклад с жалобой на меня?! Разве так поступают великодушные мужи, связанные дружескими узами?» Однако ему все же пришлось уйти. Видимо, он ошибся, и не такой уж мудрый и прямой человек был Чэнь.

Появившись в доме, душа умершего может преследовать самые различные цели, и первой из них — получение жертвоприношений, что вполне понятно, ибо именно таким способом умерший может себя поддерживать. Принимая во внимание ту жизненную необходимость, какую для души умершего имеют жертвоприношения, легко понять, почему для достижения этой цели она часто прибегает к своей сверхъестественной силе. Так, появившаяся в доме Чэнь Цинь-суня душа умершего обратилась к хозяину с требованием принести в жертву имеющуюся у Чэня в хозяйстве черную корову. Умерший пригрозил, что в противном случае через двадцать дней убьет его сына, но тот на все требования отвечал: «Для жизни человеческой установлен срок, и от тебя он не зависит!» В назначенное время мальчик действительно умер. Тогда умерший пригрозил убить и жену Чэня. Чэнь упорствовал, коровы не отдавал, и жена действительно умерла. Потусторонний вымогатель явился снова и сказал, что теперь убьет уже самого Чэня, но тот все равно оставался непреклонен. И вот прошел назначенный срок, а Чэнь был все еще жив. Тогда умерший стал каяться: «У вас, сударь, сердце твердое, значит, вам суждено большое счастье! Никому не рассказывайте обо всем этом, а то узнают Небо и Земля, и мне не поздоровится. Все дело в том, что я видел, как чертенок-посыльный нес указ канцелярии, где было сказано, что срок жизни ваших сына и жены уже подошел к концу, вот я и решил воспользоваться этим и вытребовать»

вать у вас еду!» (ТПГЦ, 318.21). Не совсем ясно, в состоянии ли души умерших влиять на срок жизни и вообще на судьбу. Во всяком случае, если души умерших и имеют такие возможности, то они принадлежат, по всей видимости, тем из них, которые после смерти имеют достаточно власти, поскольку занимают в загробном мире высокое положение. Потому, наверное, в мире людей такие души появляются как знатные чиновники в окружении свиты, а не пешком и не в одиночку.

Поскольку души умерших имеют обыкновение запугивать людей, страх перед ними является вполне объяснимым, тем более, что воздействие со стороны умерших может выражаться не только в форме прямых угроз и вымогательства, но и чисто визуально — когда душа умершего предстает перед человеком в некоем необычайном (*и 異*), пугающем (*гуай 怪*) виде. При этом стремление умершего запугать человека и подчинить его себе не обязательно направлено на достижение какой-то цели; душа умершего может причинять человеку зло и без достаточных для того оснований. Так, в одном рассказе призрак странного вида повадился залезать в живот маленькой девочки и оттуда говорить и выкрикивать угрозы. Чуть не замучил ее до смерти (ТПГЦ, 320.3). А призрак, заведшийся в доме Янов из Усяня, по виду напоминал обезьяну. Он взял манеру отнимать у людей еду и иными способами всячески изводил хозяев. Ян, разозлившись, погнался за ним с ножом, но умерший превратился в жену Яна, а саму женщину превратил в себя, так что Ян в результате зарезал свою же жену (ТПГЦ, 318.9). Ясно, что у человека есть все основания не ждать для себя ничего хорошего от встречи с душой умершего.

Однако в ряде рассказов зафиксированы ситуации встречи человека с умершим, когда человек, зная, с кем имеет дело, тем не менее не боится души умершего. «Жуань Дэ-жу как-то в коридоре встретил призрака — ростом более чжана (т. е. более трех метров. — И. А.), тот был весь черный, с большущими глазами. Одет в белые одежды, на голове — повязка. Остановился перед Дэ-жу. Совладав со страхом, Дэ-жу сказал ему с усмешкой: "Правду говорят, что души умерших и с виду отвратительны!" Призрак устыдился и удрал» (ТПГЦ, 318.20). Еще чаще люди такого склада (т. е. способные «совладать со страхом») при встрече с душой умершего не только не боятся ее, но даже **нападают первыми, стремясь ее уничтожить**. Даос Фа-ли как-то, встретив умершего

у входа в храм, тут же навалился на него, схватил, привязал веревкой к столбу, а потом принялся избивать палкой. Решив проверить, правду ли говорят, что души умерших могут превращаться, он закрепил того у столба железной проволокой и обратился в ожидание. К вечеру умерший исчез. Никаких последствий для монаха все это не имело (ТПГЦ, 327.6). Также успешным может оказаться и нападение на невидимого умершего. Увидев на полу отпечаток ноги длиною в два цуня (т. е. около 6,5 см), чиновник Лю Шу-лунь стал ночью охотиться за невидимым духом по всему дому с мечом в руках и рубить наугад воздух, и кого-то зарубил — полилась кровь (ТПГЦ, 325.12). Эти нападения не спровоцированы умершим, хотя часто человек нападает на него, будучи просто доведен до отчаяния тем, как тот ему вредит или мешает — к примеру, в вышеописанном случае с Яном, или если умерший портит его вещи, не дает спать и др. (ТПГЦ, 323.3, ТПГЦ, 327.11). Нередко бесстрашие (или присутствие духа), проявленное при встрече с душой умершего, служит доказательством незаурядности человека и предвещает великое будущее. Так, Лу Юй-цин в молодости зимней ночью ехал по полю. Стоял лютый холод, и Лу сильно замерз. Вдруг увидел костер, вокруг которого сидели какие-то люди. Лу подъехал к ним, чтобы немного согреться, но оказалось, что пламя костра холодное. Лу удивился этому и спросил, в чем дело. Сидевшие отвечали ему дружным хохотом. Уяснив, что имеет дело с умершими, Лу хладнокровно хлестнул лошадь и ускакал. «Раз вы, молодой господин, не побоялись их, вас ждет счастливая помощь! Быть вам богатым и знатным!» — напоролил Лу один из местных жителей. Лу действительно стал знатным чиновником (ТПГЦ, 328.14).

Отнюдь не все нападения на умершего оканчиваются для человека столь благополучно, не все служат признаком великого будущего. **Часто исходом такого нападения становится смерть человека.** В рассказе «Ван Чжун-вэнь» (ТПГЦ, 319.14) главный герой увидел некую белую (цвет траура) собачку. Она до того понравилась ему, что Ван велел взять ее с собой, но тут собака превратилась в человечка совершенно отвратительной наружности. Изумившись, Ван принялся лупить его плетью и слугам также приказал бить. Человечек исчез, а через месяц Ван и все те слуги, что били человечка, увидели его вновь и умерли. То же случилось и с Лю Цин-суном, который напал на вылезшую из

дырки в полу душу умершего. Призрак удрал, а Лю заболел и умер (ТПГЦ, 321,6).

Следует, видимо, отметить, что подавляющее большинство вышеперечисленных случаев происходит, как правило, без каких-либо разговоров между человеком и душой умершего и в короткий промежуток времени.

Человек ночует в доме души умершего. Это происходит тогда, когда человеку, застигнутому в дороге непогодой или ночью, не удается найти приюта на ночь. Можно сказать, что, пустая человека в свой дом (т. е. видоизмененную сверхъестественным способом на время могилу) переночевать или давая ему приют во время бури, душа умершего оказывает живому доброе покровительство и идет навстречу.

Главный герой в сюжетной прозе данного времени — в первую очередь мужчина, и только в редких случаях в роли главного действующего лица выступает женщина. Поэтому вполне естественно, что когда мы говорим о предоставлении ночлега путнику, то этим путником в подавляющем числе случаев будет мужчина. А вот предоставлять ему ночлег и выступать в роли хозяев дома могут как души умерших мужчин, так и души умерших женщин. Рассмотрим некоторые примеры.

Возвращавшегося из столицы Цинь Шу в пути застигла ночь. Цинь сбился с дороги. Завидев вдали огонек, он поехал на свет в надежде на ночлег и вскоре оказался у хижины, в которой жила некая девушка. Не решаясь войти, Шу попросил у нее позволения провести ночь во дворе, но скоро она позвала его в дом и усадила за стол. Видя, что девушка живет совершенно одна, Шу осмелел и обратился к ней с интимным предложением, на что она со смехом согласилась. Они провели ночь на одном изголовье, а утром на прощание девушка со слезами на глазах подарила Шу колечко и сказала, что более они не увидятся. Отъехав на несколько десятков шагов, Шу оглянулся и вместо хижины увидел могильный холм. А колечко вскоре потерял (ТПГЦ, 324.1). В рассказах такого типа следует обратить внимание на несколько характерных моментов. **Душа умершей встречает путника (или приглашает) в жилище, которое в тексте характеризуется как**

бедное — это, как правило, хижина, сооруженная из прутьев и травы, где нет даже огня в очаге, а часто не бывает и самого очага по причине крайней бедности (ТПГЦ, 327.15, и др.). Однако в ряде случаев **путник может оказаться и в роскошных чертогах** — когда останавливается на ночь у умершей женщины, занимавшей когда-то достаточно высокое общественное положение. В рассказе «Цуй Ло-шэ» (ТПГЦ, 326.7) описывается случай, когда главный герой, Цуй, проезжая вечером мимо усадьбы с красными воротами, был остановлен слугой, который сказал, что его хозяйка непременно хотела бы видеть Цуя. Удивленный, Цуй пошел со слугой внутрь и там встретился с красавицей, которая стала потчевать его роскошными яствами. И хотя Цуй понял, что имеет дело не с человеком, он провел с красавицей время до утра в удовольствиях. Наутро она подарила Цую нефритовое кольцо и выпроводила прочь. Когда он отошел немного от дома и оглянулся, то увидел, конечно, могилу.

(Таким образом, мы находим здесь лишнее подтверждение факту прямой зависимости между общественным положением при жизни и после смерти. Традиционные представления связывали богатство при жизни с богатством по смерти: пышная могила принадлежит непременно человеку значительному, бедная могила принадлежит простолюдину.)

Нередко, как бы в уплату за ночлег, душа умершей обращается к гостю с просьбой. Так, некий Чжан Юй, застигнутый в пути непогодой и темнотой, попросился переночевать в богатый дом, там его радушно встретила женщина лет тридцати. Она призналась, что давно уже не человек, и стала жаловаться, что ее бывший муж препоручил сироток служанке, которую приблизил к себе, а служанка относится к детям из рук вон плохо и даже бьет их. «Я хотела бы убить эту служанку, да жизненная энергия мертвого так слаба! Поэтому хочу вас просить помочь мне в этом деле. Я щедро вас отблагодарю». Поняв эту просьбу как то, что он должен убить служанку, Юй, конечно, отказался, но женщина заверила, что от него требуется только рассказать обо всем ее мужу. Такую просьбу Юй выполнил (ТПГЦ, 318.11).

Второе неперемное обстоятельство подобных встреч — **подарки, которыми обмениваются мужчина и дева при расставании утром**. Впрочем, путник может и не сделать дева подарка, тогда как она обязательно дарит что-то на память о себе —

колечко, подвеску на пояс, мешочек для благовоний, веер, стихи и т. п. Через некоторое время подарок может исчезнуть неизвестно куда, а может стать причиной, из-за которой вся история выплывет наружу.

Третье обстоятельство — **такие встречи обычно сопровождаются сексуальными отношениями**. Предложение вступить в отношения подобного рода может исходить как от гостя, так и от хозяйки. Последняя часто делает это в стихах, недвусмысленно намекая о своем желании. Пишущие стихи девы, как правило, отличаются и другими талантами и обыкновенно изображаются как натуры утонченные, склонные к весьма изящного свойства переживаниям; при этом жилища их отнюдь не убоги.

Непосредственно к этой группе рассказов примыкает другая, в которой главной темой также является **встреча мужчины и души умершей женщины, но происходящая в каком-то другом месте**. Дева, например, может сама прийти к мужчине, привлеченная его талантом: Ван Гун-бо очень хорошо умел играть на цине и, однажды, заночевав в придорожной беседке, стал любоваться луной и перебирать струны. Вдруг появилась какая-то красавица и сказала, что тоже очень любит игру на цине. Слово за слово — Гун-бо возлег с ней на ложе любви. Наутро расстались, обменявшись подарками. Потом оказалось, что это была душа недавно умершей местной девушки (ТПГЦ, 318.15). Души умерших также могут иметь какое-нибудь свойство или некий предмет, выдающий их истинную сущность; так, их тело может быть холодным как лед, при их появлении может возникнуть сильный запах свежей крови или зловоние; они могут носить с собой в специальном мешке, куда запрещают заглядывать, собственные кости, и т. д.

Может **встреча произойти в доме, пользующимся дурной славой**: про беседку, что стояла за западными воротами города Жуяна, было известно, что там обитает дух умершего, и многие из тех, кто остался там на ночь, заболели и даже умирали. Некий Чжэн Ци, не убоившись всего этого, смело остановился там на ночь и провел ее с удивительной красавицей. Утром в беседку заглянул стражник и увидел на одном изголовье рядом со спящим Чжэном труп женщины. Чжэн после этого довольно долго маялся болями в животе (ТПГЦ, 317.8). Вообще встреча в «нехорошем» месте несет человеку зло чаще, чем контакт в «доме» покойной.

Особую группу составляют рассказы, **главные герои которых встречаются с известными красавицами прошлого**. Лю Дао и его друг Ли Ши-бин ехали в Ханчжоу. В один прекрасный день они услышали доносящиеся из придорожного леса женские голоса, и тут же из-за деревьев вышла служанка и доложила, что их хотят видеть две дамы. Через короткое время эти дамы появились из леса — это были исключительно красивые, разодетые в дорогие наряды молодые женщины. Приятели стали им кланяться, пригласили разделить с ними трапезу... Как выяснилось, одна из пришедших была известная красавица прошлого Си Ши. Наутро расстались, обменявшись подарками (ТПГЦ, 326.5). Вообще встречи с Си Ши довольно часты (ТПГЦ, 327.7 и др.), и характерной особенностью подобных рассказов является то, что герой, встретившись с известной красавицей прошлого, непременно пользуется случаем **не только вкусить с ней любовь, но и узнать подробно о том времени, когда красавица жила**, и расспросить о событиях, очевидцем которых она стала и которые, с точки зрения героя, недостаточно освещены в исторических сочинениях. Часто красавица пускается в воспоминания по собственной инициативе.

Нередко вышеописанные встречи **мужчины и умершей девы** приводят к тому, что они **довольно долгое время живут как супруги**. Придя к мужчине в облике очаровательной, легко доступной женщины, дева не прерывает встреч, но остается на достаточно долгий (определенный Небом) срок. Мужчина часто сначала и не подозревает, с кем свела его судьба, полностью захваченный прелестью новой возлюбленной, а когда узнает — чаще всего пытается отделаться от нее или даже уничтожить. Так было, например, с неким Чжунем. Приятель его заметил, что с некоторого времени Чжун переменился и стал странный. Приятель начал расспрашивать его, и Чжун признался, что вступил в связь с красавицей, да такой, что подобную трудно где сыскать. Друг ему ответил, что это наверняка умершая, и посоветовал убить деву. Последовав совету друга, Чжун при встрече нанес деве рану, а наутро по следам крови дошел до могилы и в ней обнаружил тело своей возлюбленной (ТПГЦ, 317.9). (Случаи, когда душа умершего мужчины живет с живой женщиной, единичны. См., например, рассказ «Госпожа Мэн» (ТПГЦ, 345.9), где описывается, как к жене одного купца во время его отсутствия приходит душа

умершего юноши и склоняет к любви. Такое сожителство продолжается целый год, вплоть до возвращения мужа.)

Однако бывают и другие случаи, когда мужчина, узнав, с кем живет, не отворачивается от девы. К начальнику области Ли Чжун-вэну такая дева сначала явилась во сне и призналась, что умерла, и Ли не выказал ей своего отвращения (хотя умершие, как правило, говорят, что этого очень опасаются). Встретив же наяву, стал жить с ней как с женой (ТПГЦ, 319.1). Желание избавиться от подобной возлюбленной, впрочем, вполне объяснимо, если учесть устойчивое представление о том, что **дева, вступая в сексуальные отношения с живым мужчиной, тем самым несет ему болезни и смерть**. В рассказе «Ли Тао» (ТПГЦ, 333.8) к главному герою ночью явилась красавица. «Тао понял, что это душа умершей и поначалу с ней не разговаривал. Девушка потупилась и пошла прочь». Тогда Тао пристыдила служанку, и он, возжелав красавицу, начал с ней разговаривать и даже заигрывать. Кончилось все блудом. Потом дева сказала, что у них с Тао — старая связь. Они прожили вместе более десяти дней, когда мать Тао, узнав об этом, вызвала его для разговора и стала бранить. Тао сперва отказывался порвать с девой, но потом заболел и слег. Интересно, что умершая его не бросила, но проявила о Тао трогательную заботу, поила его лекарственными отварами и вообще ухаживала, как жена. Вскоре она ушла — срок связи вышел.

Тема «старой связи» весьма распространена в ТПГЦ и вообще в сюжетной прозе. Души умерших женщин часто ссылаются на эту старую связь, которая якобы есть и была у них именно с этим человеком еще в прошлой жизни, при прошлом рождении. Однако часто **умершей движет не просто интерес к талантам человека или старая связь, но и обычная страсть, не утоленная при жизни**. Это также приводит как к случаям отдельных контактов, так и к длительному сожителству. Такой случай описан, например, в рассказе «Ван Чжи» (ТПГЦ, 328.12), где не успевшая при жизни выйти замуж красавица после смерти является ночью к проезжему студенту, и они живут как супруги целый месяц. На прощание дева дарит студенту бронзовое зеркало, по причине чего и раскрывается вся история. (И это, кстати, частый мотив. Умершая нередко дарит, как было отмечено, возлюбленному разные вещи или забывает у него что-либо. Но поскольку она располагает только тем, что положили с нею в гроб (а это, как

правило, драгоценности или предметы жизненной необходимости), то дарит те самые вещи. Это происходит чаще всего пока гроб стоит непогребенный. Родственники, обнаружив в гробу недостачу, начинают поиски — в случае с Ван Чжи у него нашли бронзовое зеркало и обвинили в воровстве. Чтобы оправдаться, Вану пришлось обо всем рассказать.) Иногда скоротечные любовные связи заводят души бывших при жизни замужем женщин. Так было с покойной женой одного человека, вступившей в связь с начальником уезда во время отсутствия мужа на родине. Когда супруг вернулся, умершая ушла от начальника, а тот, случайно встретившись с ее мужем, показал невзначай подарок возлюбленной (серебряную чашу). Муж узнал чашу, потому что сам клал ее в гроб покойной жены (ТПГЦ, 335.7).

Интересно, что **душа умершей имеет обыкновение мстить своему партнеру за измену.** Так, Ян Бэй, сойдясь с умершей, долго болел, а потом, когда дева ушла от него, внял уговорам старшего брата и женился. Через год после этого умершая внезапно вернулась и стала ругать Яна. Вскоре после этого он заболел и умер (ТПГЦ, 334).

Другая группа рассказов, связанная со встречей человека и души умершего, охватывает отношения между живым мужчиной и душой умершего мужчины. И если душой умершей женщины в первую очередь движет желание вступить в сексуальную связь, то **душой умершего мужчины руководит интерес к талантам живого, преклонение перед его искусством или же знаниями,** и именно это в первую очередь становится причиной для контакта. Часто бывает так, что душа умершего предоставляет путнику ночлег.

Душа умершего может сама пригласить путника в свой дом. Увлекавшийся в юности даосизмом Вэй решительно не верил ни в каких духов. Как-то вечером ему случилось в горах попасть в снежную бурю, да в такую сильную, что идти дальше Вэй не мог. Тут вдруг появился даос и пригласил Вэя к себе домой переждать бурю, переночевать и побеседовать о том и о сем. Придя на место, они сели у очага и, попивая вино и закусывая, стали вести беседы о даосском учении. Потом хозяин перевел

разговор на души умерших, и Вэй решительно возразил: их не существует и говорить тут не о чем. «Да ведь то, что вы перевозите — Дао, Путь бессмертных! — отвечал даос. — Зачем же вы с такой решительностью возводите напраслину на души умерших? Ведь они существуют с тех пор, как появились Небо и Земля! Если ваше Дао высоко, то души умерших и духи не посмеют чинить вам вред, а если Дао пока еще не достигло высоты — тогда они вредят!» Вэй ему не поверил, но когда утром распрощался, пошел прочь и оглянулся, увидел вместо дома лишь могильный холм! С тех пор он поверил в духов (ТПГЦ, 327).

Следует отметить, что **не все ночные встречи в домах умерших душ заканчиваются для человека благополучно**. Например, торговец Чэнь, оказавшись вечером рядом с внушительного вида поместьем, заезжает туда в поисках ночлега и сталкивается с человеком страшной наружности. «Тут луна выплыла из-за туч, и он увидел, что лицо его было совершенно черное, а глаза без зрачков». Чэнь тут же бросился бежать и только этим спасся. Потом от одного старика он узнал, что в том месте обитает вредоносная душа умершего (ТПГЦ, 317.16). А в рассказе «Ху Юнь-и» (ТПГЦ, 344.4) описывается другой не лишенный интереса случай. Ху Юнь-и вместе с женой направлялся к новому месту службы, и в пути их дочиста ограбили разбойники. Ограбленных пожалел и приютил старик, который оказался настолько любезен, что предложил Ху временно оставить жену у него, а самому добираться до места службы и вступать в должность, после чего будут средства вернуться за женой. Ху согласился и уехал один. Прибыв на место и приступив к службе, он неожиданно получил от жены письмо, где она сообщала, что без него уже проплакала все глаза и что нашла утешение с юношей, также живущим у старика. Ху, вне себя от гнева, тут же бросился назад, желая отомстить коварному старику и ветреной жене, но нашел на прежнем месте лишь могилу, а в ней — тело мертвой уже супруги.

Душа умершего, подобно душе умершей женщины, **может сама явиться к заинтересовавшему ее человеку**: однажды вечером известный поэт, философ и музыкант Цзи Кан (嵇康 223/224—262/263) сел играть на цине, как вдруг появился кто-то ростом более чем в чжан (т. е. выше трех метров) и задул лампу, едва Цзи сделал попытку его рассмотреть. «Сам я жил здесь раньше и

погиб тут же. Услышал, как вы, сударь, играете — мелодия чистая и мягкая, не похожа на те, что были в древности... Вот я и пришел послушать». Всю ночь Цзи и его гость провели в разговорах (ТПГЦ, 317.11). Часто в таких случаях умерший сам преподает живому несколько уроков игры на музыкальном инструменте, приглашает вместе слагать стихи на заданные рифмы (ТПГЦ, 324.4, ТПГЦ, 349.5).

Причиной, повлекшей за собой визит умершего, **может стать и какое-нибудь качество, которым человек славится** — поэтический талант, почтение к родителям, гостеприимство. Цзиньши Лу был известен своим поэтическим даром, кроме того был богат и очень гостеприимен. И вот однажды вечером к нему явился человек, с виду очень внушительный. «Я слышал, вы сочиняете превосходные стихи. Вот и пришел». Выяснилось, что это великий (и давно покойный) поэт Шэнь Юэ (沈約 441—513). Лу стал угощать его вином и вообще проявил всяческое радушие. В компании еще с одним умершим они веселились втроем всю ночь и слагали стихи, а распрощались только утром. «В этих местах менее чем через два года солдаты поднимут мятеж», — предупредил Шэнь Юэ перед уходом. Так и случилось (ТПГЦ, 343.1). Иногда души умерших предсказывают не только грядущие бедствия, но и срок жизни человека (ТПГЦ, 336.1 и др.).

Впрочем, чаще всего **человек встречает души умерших не у себя дома**, но в местах, расположенных неподалеку от их захоронений: останавливаясь на ночь в одиноко стоящей почтовой станции или в гостинице, стоящей на отшибе. Цзиньши Цзу Цзя со слугой остановился на ночь в пустующем буддийском монастыре. Взошла столь прекрасная луна, что Цзу вместо того, чтобы спать, стал рассказывать по двору взад и вперед и любоваться ею. Неожиданно появился незнакомец и заговорил с ним. Они уселись вместе на циновку и повели беседу о классических сочинениях и канонических текстах, читали вслух стихи. Утром гость ушел, а позднее Цзу узнал, что это был умерший (ТПГЦ, 344.8).

Отдельно следует упомянуть о встречах людей с посыльными из царства мертвых (в роли которых, как было отмечено,

иногда выступают возвращающиеся домой родственники). Душа умершего, следуя по «казенным» делам в определенное место, **просит человека подвезти его** на лодке (телеге и т. п.), не раскрывая при этом своей истинной сущности. Непременным атрибутом чиновника из загробного мира следует назвать книгу (свиток), куда занесены имена всех тех, кто должен умереть (там содержится информация такого рода: «В такой-то день прибыть в такое-то село и забрать такого-то»). Чжоу Ши встретил в дороге человека, по виду чиновника, с книгой под мышкой, который попросился к Ши в лодку. Ши пустил его. Через десять ли пути человек попросил остановиться ненадолго у какого-то поселка. «Оставляю в вашей, сударь, лодке свою книгу. Только ни в коем случае не открывайте ее», — сказал он и ушел. (Отлучки посланца за душами на берег (или, если он едет на телеге, то — с телеги) в деревню продолжаются недолго, и вскоре из деревни начинает доноситься скорбный плач — ТПГЦ, 339.1.) Ши, конечно, тут же полез смотреть, что это за книга, и оказалось — список назначенных к смерти. В конце стояло и его, Ши, имя. Придя в ужас, Ши обратился к вернувшемуся чиновнику с мольбой, и тот, посетовав, что Ши его послушался, сказал: «Сегодня же возвращайтесь домой и три года не смейте выходить за ворота, тогда еще смерти можно избежать». Ши так и сделал. Два года он безвылазно просидел дома, но потом отец послал его на похороны соседа, и Ши уж никак не мог отказаться. Выйдя за ворота, он тут же увидел того чиновника с книгой. Чиновник сказал, что теперь ничего не поделаешь, и дал три дня, чтобы закончить земные дела. Через три дня Ши умер (ТПГЦ, 316.11).

Иногда **посланцы ошибаются и забирают не ту душу, какая указана в списке** — то ли по недостаточной грамотности, то ли по невнимательности. Так, в рассказе «Тан Бан» (ТПГЦ, 322.1) за главным героем приходят двое в красных одеждах и ведут за собой к огромной могиле. «Ведь сказано было схватить Тан Фу, зачем же схватили Тан Бана?!» — ругает их начальник. Тан Бан ожил, а живший неподалеку Тан Фу — умер. За монахом Хуэй-цзинем погнался какой-то великан, но, увидев, как тот отчаянно сопротивляется, решил уточнить его имя. Спросил как зовут. «Фамилия совпадает, а имя — нет!» — сказал великан, когда Хуэй-цзинь ответил, и исчез (ТПГЦ, 354.11; см.: ТПГЦ, 346.3, и др.).

Сюда же примыкает группа сюжетов, связанная с **посещением загробного мира и последующим возвращением оттуда**. Сведения, которыми мы располагаем на этот счет, относятся главным образом к воспоминаниям воскресших после смерти или побывавших в загробном мире во время сна, болезни: некоторое время (часто — три дня) такой человек находится в бессознательном состоянии, настолько похожем на смерть, что в ряде случаев родственники даже кладут его в гроб, после чего мнимый умерший воскресает и рассказывает об увиденном в загробном мире. Первым делом к такому человеку являются потусторонние посланцы, дабы препроводить его в судилище. Так, живший при Суй, в годы под девизом правления Кай-хуан (589—600) Чжао Вэнь-жо пролежал в беспмятстве семь дней, а потом очнулся и рассказал, что был препровожден в дворцовый город, где предстал перед ваном (ТПГЦ, 102.1). В другом рассказе: «Сначала я увидел двоих, что держали в руках официальные бумаги. Они пригнали меня к городским воротам, очень внушительным и высоким. Миновав ворота, мы прошли четыре или пять ли и увидели дворцовые палаты с почетной охраной вокруг. В зале на возвышении сидел ван. [Кругом стояли] буддийские монахи, даосы, варвары с четырех сторон света — бесчисленное количество (ТПГЦ, 102.8). Или: «Только умер — тут же его схватили и погнали прочь. Вместе с ним гнали еще десять человек. Скоро все пришли в обиталище Яньло-вана» (ТПГЦ, 102,11) ¹. Подобные примеры в достаточной степени типичны ².

Оказавшись в загробном мире перед лицом его владыки, душа умершего подвергается допросу, основным содержанием которого становится имеющее явную буддийскую окраску выяснение, что подследственный при жизни совершил хорошего и что — дурного. Что неудивительно, поскольку идея загробного суда и воздаяния пришла в Китай вместе с буддизмом. Вернемся к Чжао Вэнь-жо: «Ван спросил: "Какие у вас, господин, были при

¹ Яньло-ван (閻羅王, что есть, как известно, сокращенный перевод на китайский санскритского Yama-raja: Яньмолочжэ) — в китайских протонародных представлениях владыка ада. Не во всех рассказах, где речь идет о загробном правителе, он назван прямо по имени — более часто упоминание некоего вана (князя), вершащего суд над прибывающими душами.

² Подробнее о сунских представлениях о загробном судилище и потустороннем мире см., например, в работе современного тайваньского исследователя Шэнь Цзунсяня 沈宗憲 «Сундай миньцзяньдэ юмин шицзегуань». С. 144—166.

жизни заслуги и добродетели?" "Только разве то, что я во всем придерживался "Алмазной сутры", — отвечал Чжао. "Это — самая наипервейшая [заслуга]! — сказал ван. — И хоть годы ваши истекли, за любовь к этой сутре добавляю вам еще двенадцать лет!" Потом добавил: "Среди всех преступлений самое тяжкое — убить живое существо"». При таких допросах возможны, как правило, две ситуации — когда хорошие поступки, совершенные человеком, значительно превышают дурные, в награду за что его отпускают обратно в мир людей и продлевают срок жизни; и когда человека, как было сказано выше, забрали по ошибке. Все эти обстоятельства выясняются при допросе, после чего схваченного отправляют обратно в мир живых. При этом он успевает что-то увидеть в загробном мире: порой — случайно, порой — специально поинтересовавшись, иногда же — по распоряжению Яньлована (или иного загробного чиновника, обладающего достаточными полномочиями) умершего могут повести смотреть на последствия прижизненных дурных поступков, с чисто назидательными целями. В результате человек имеет возможность увидеть одно, максимум два-три отделения ада. Так, в случае с Чжао Вэньжо, ван, упомянув о запрете убивать живое, велит отвести Чжао туда, где мучаются люди, совершившие подобный грех: «Прошли на север, может, два-три ли и остановились около высокой стены. В стене был проход, как раз по человеческому росту. Пройдя через него, вышли на высокий холм. С холма открывался хороший обзор — Чжао увидел город, из-за высоких стен которого вздымались до небес огонь и дым. Черный пепел покрывал землю. Из-за стены доносились вопли страшной боли, да такие жалобные, что невозможно было слушать! Чжао, зажмурив глаза и заткнув уши, нагнул голову и бросился прочь, но почувствовал, что сердце его разрывается. Изо рта хлынула кровь... Служитель повел Вэнь-жо назад к вану...».

Подобные примеры можно продолжать. Однако не описание ада и наказаний является центром интереса авторов и читателей сюжетной прозы, эти фрагменты сравнительно малочисленны, второстепенны, они — своеобразный фон, так сказать, необходимая адская атрибутика ¹.

¹ Более подробно о дотанской буддийской сюжетной прозе и отражении в ней посещений потустороннего мира см., например: *Ермаков М. Е.* Мир китайского буддизма.

Принесение жертв духу умершего незнакомца, захоронение тела неизвестного умершего, перезахоронение неудачно погребенного тела (останков), погребение брошенных без захоронения костей — все эти поступки влекут за собой безусловную благодарность душ умерших, которым принадлежат указанные останки. Впрочем, как кажется, человек, перезахороняющий кости или же приносящий жертвы неизвестному ему духу, обычно не преследует корыстных целей, на благодарность не рассчитывает, но поступает так, следуя побуждению души.

В коридоре своего дома Хуань Гун обнаружил яму, каковая при тщательном рассмотрении оказалась могилой. «И каждый раз во время трапезы Гун сначала ставил еду перед могилой. Так прошел год». Вдруг появился некто и сказал, что это — его могила, а умер он уже более семисот лет назад, и все потомки его тоже умерли, так что ухаживать за могилой некому, вот она и пришла в такое запустение. «Тронутый вашей добродетелью, сударь, я в благодарность сделаю вас начальником области Нинчжоу», — сказал пришелец (ТПГЦ, 322.5; этот же рассказ в незначительно переработанном виде и с указанием того же источника есть в 320-ой цзюани ТПГЦ). Однажды некий Сюй на своем поле обнаружил чью-то могилу и тоже стал делиться едой с душой умершего, громко крича: «Эй, полевая душа умершего! Иди, ешь мою еду!» (ТПГЦ, 320.78). В рассказе «Фан Сюань-лин» герои после принесения жертв могиле неизвестного, слышат такой любопытный диалог между душами умерших. Одна окликает другую: «Эй, в двадцати ли на восток отсюда один селянин устраивает пир для духов. Там будет очень много вина и закусок (имеется в виду жертвоприношение. — *И. А.*). Ты идешь или нет?» «Я уже напился допьяна и наелся мяса, да к тому же выполняю службу. Не могу! Спасибо, что потрудились позвать меня!» «Да ведь ты вечно голоден, откуда же взял мясо и вино? И ты не чиновник, что же у тебя может быть за служба?! Зачем обманываешь?» «Начальник области приставил меня к двум министрам, они милостиво одарили меня мясом и вином, потому я и не могу идти» (ТПГЦ, 327.13). Живые часто могут извлечь немалую пользу для себя из случайно подслушанных разговоров душ умерших — если сумеют правильно распорядиться полученной информацией. Вот ка-

кой диалог состоялся по поводу рождения ребенка в одном доме: «Ну, видел ребенка? Как его будут звать? Сколько лет проживет?» «Мальчик! Будут звать А-ну, проживет пятнадцать лет». «А от чего умрет?» «Наймется строить дом, сорвется и убьется насмерть» (ТПГЦ, 316.6). Подслушавший этот разговор не очень-то поверил, однако через пятнадцать лет все вышло именно так, как предсказывали души умерших.

Душе умершего (умершей) знакомо не только чувство благодарности, но и мести¹. За помощь же умерший, как правило, благодарит разными доступными ему способами. Военачальник Ши, не очень-то веривший в духов, поселился в «нехорошем» доме. Однажды вечером к Ши вошел некто во внушающей почтение одежде и сказал: «Я — ханьский полководец Фань Куай (樊噲 ?—204 до н. э.), и могила моя находится неподалеку от уборной вашего, сударь, дома. Из-за этого я очень страдаю. Если бы вы перенесли мою могилу в другое место, я бы щедро вас отблагодарил». Ши ответил согласием и перезахоронил кости полководца. Рассказ заканчивается так: «Когда впоследствии Ши стал полководцем в Суй, то духи-воины помогали ему каждый раз, когда он сталкивался с разбойниками, и все сражения заканчивались крупными победами» (ТПГЦ, 322.12).

А за приносимый могиле вред душа умершего мстит — так, когда разбойники раскопали могилу некоего Вана и разграбили ее, душа покойного явилась им и угостила вином, от которого на губах у разбойников остались несмываемые, будто от туши, следы. Потом эта примета была сообщена стражникам и разбойников благополучно схватили (ТПГЦ, 317.5). Те, кто использует

¹ Теме мести, кстати, посвящена и одна из самых первых известных нам сюжетных записей о душе умершего — это история о правителе Ду из книги Мо-цзы (墨子 479—400 гг. до н. э.): «Чжоуский Сюань-ван (828—781 гг. до н. э. — И. А.) безо всякой вины обезглавил своего подданного, правителя земель Ду. Правитель Ду [перед казнью] сказал: "Мой государь казнит меня безо всякой вины. Если умерший сознания не имеет, то на этом все и закончится, а если умерший обладает сознанием, то не пройдет и трех лет, как я дам о себе знать моему государю!" Прошло три года. Чжоуский Сюань-ван вместе с вассалами охотился в Путяне. Несколько сотен колесниц и несколько тысяч сопровождающих заполнили всю степь. Был полдень, когда появился правитель Ду — в простой колеснице, запряженной белой лошадей, одетый в красное платье и шапку. В руках он держал красный лук, а под мышкой — красные стрелы. Правитель Ду устремился за Сюань-ваном, стал стрелять, пробил сердце и перебил позвоночник, [Сюань-ван] упал, придавленный колчаном, и умер» (Эр ши эр цзы. С. 248).

доски от развалившегося гроба для своих хозяйственных нужд, — гибнут (ТПГЦ, 320.8); душа умершего наказывает даже того человека, который случайно повредил ее могилу и постарался исправить свою оплошность (ТПГЦ, 323.19), и т. д.

Мстит душа умершего и за неверие в ее существование, и поэтому результат неверия в души умерших часто плачевен. Впрочем, душа умершего сначала может прийти к «упорствующему в неверии» человеку и попытаться его переубедить. Начальник уезда Цзун Дай выступал против жертвоприношений и утверждал, что души умерших не существуют, и никто не мог поколебать его уверенности. Однажды к Даю пришел весьма бедно одетый книжник и долго с ним толковал об этом, доказывая обратное, но Дай упорно стоял на своем. Тогда книжник в гневе признался, что сам — умерший, и пропал, а Дай на другой день умер (ТПГЦ, 317.7). К другому неверующему умерший явился под видом гостя и сказал: «Все совершенномудрые издревле и доньше передают истории о душах умерших и духах, один вы не верите!» — и принял свой истинный облик. Проболел год после этого случая, неверующий скончался (ТПГЦ, 319.5). А герой другого рассказа, Чжан Си-ван, когда к нему явился умерший с просьбой о перезахоронении, рассмеялся ему прямо в лицо и заявил: «Да я даже когда маленький был, и то ни во что подобное не верил!» — и решительно отказал. Через месяц душа умершего убила его из лука (ТПГЦ, 329.2).

Таким образом, материал ТПГЦ позволяет утверждать, что в обыденном сознании китайцев главной и характерной особенностью души умершего считалась самая ее способность к возвращению — наяву и во сне, в видимом глазу обличье и в облике незримом; это возвращение в мир людей, в родные места, домой или к родственникам и друзьям. При этом, возвращаясь к людям в зримой форме, душа умершего сохраняет свой прижизненный облик, носит одежду, ест пищу.

Возвращение души умершего обусловлено двумя важнейшими причинами: это либо состояние домашних дел (беспокойство за судьбу и здоровье родственников, стремление помочь им и наставить их, беспокойство за состояние своего имущества, стрем-

ление навести порядок и наказать неправых, и т. д.), либо состояние захоронения собственного тела (возвращается, чтобы просить о погребении, если тело по тем или иным причинам вообще не было похоронено, или о перезахоронении, если таковое совершено в неудачное время и в несчастливом месте; просит починить разрушенную или поврежденную могилу, принести жертвы¹ и т. д.). Особняком стоит группа мотивов, связанных с любовными отношениями между живым мужчиной и умершей женщиной, в которых душа умершей вовсе не играет злой роли. К X в. образы злых, вредоносных призраков в сюжетной прозе уступают место душам умерших, не несущим зло без разбора, самим фактом своего появления. И в данном случае речь, по-видимому, должна идти о развитии и формировании книжного, письменного варианта низшей китайской демонологии, который, генетически восходя к устным фольклорным истокам, все же, мало-помалу отделялся от них — и в первую очередь, стеной китайской грамоты.

Если возвращающегося домой умершего волнуют домашние дела, то души умерших, входящие в контакт с незнакомыми им при жизни людьми, озабочены, в первую очередь, состоянием своего захоронения. Душой умершего мужчины может руководить также интерес или даже преклонение перед талантами и добродетелями живого. Человек, обладающий высокими моральными качествами и достигший прогресса в продвижении по пути добродетели, защищен от души умершего, пришедшей со злой целью; перед ним умерший отступает. Душа умершего пользуется возможностью общения с таким человеком, потчует его вином, беседует с ним на возвышенные темы, алча знаний, часто сама является к такому человеку со всей почтительностью. Умершие с удовольствием берут талантливых людей в свою компанию для сочинения стихотворных экспромтов на заданные рифмы и за полученное удовольствие благодарят, чем могут.

Так и душу умершей женщины могут привлекать таланты и добродетели живого, но главный ее интерес — желание вступить в любовную связь, как кратковременную, так и длительную. Связь может прерваться, но через определенное время возобновиться

¹ Шэнь Цзун-сянь подчеркивает, что традиционные китайские представления о просящих жертву душах умерших имеют буддийскую окраску и связаны с концепцией голодных духов 餓鬼. См.: Шэнь Цзун-сянь. Сундай миньцзяньдэ юмин шичэгуань. С. 50—51.

вновь. Душа умершей девы стремится к половым отношениям с человеком не совсем по своей воле: ее толкает к этому не столько осознанный расчет, сколько природа темной стихии. Душа умершей женщины обладает способностью пить мужскую жизненную энергию, содержащую светлое начало (*ян*), и в результате может умножить свои сверхъестественные свойства, обрести более устойчивую человеческую форму, из чего и проистекает стремление к любовным контактам. В результате живой начинает чувствовать недомогание, длительное же сожителство может привести к серьезной болезни (от истощения жизненной энергии) и даже к смерти. Осознав (сам или с чужой помощью), в чем причина упадка сил, мужчина часто порывает (или пытается порвать) подобные отношения и тем спасается, но бывает, что он не в силах сделать это, плененный красотой своей возлюбленной. Да и души умерших, вступив в связь, начинают испытывать к своим партнерам определенные чувства, которые проявляются вполне по-человечески: они дарят возлюбленным подарки, пишут им стихи, смеются от радости и плачут от горя; поэтому большинство из них приходит в ужас от того, что возлюбленный, по их милости, начинает чахнуть и увядать на глазах. Однако прекратить этот процесс можно только одним способом — расставшись (да и то, если сделать это вовремя), поскольку потеря энергии происходит вместе с каждым половым актом — вне зависимости, хочет того покойная или нет. Она не в состоянии контролировать этот процесс.

Поэтому умершие женщины часто сами оставляют своих возлюбленных или даже лечат. Они пытаются объяснить, что, являясь порождением стихии инь, неизбежно наносят вред всему живому. Кроме того, по законам загробного мира это наказуемо, и нередко не желавшая ничего дурного душа умершей оказывается наказанной за тот вред, какой она невольно причинила человеку.

Рассмотренный материал ставит перед исследователем ряд важнейших вопросов, требующих дальнейшего изучения. Так, проблема типологических отличий китайских представлений о сверхъестественном и удивительном от соответствующих рус-

ских и европейских представлений еще не нашла должного отражения в науке. Но уже в этой работе можно сформулировать главную особенность, присущую китайским представлениям о душе умершего. Это — синкретичность, выражающаяся, в первую очередь, в переводе китайского слова-понятия «гуй» на русский язык¹. В зависимости от контекста, в русском переводе это будет «черт», «бес», «демон», «злой дух», просто «дух», «привидение», «нечисть», «оборотень» и т. д. Функции гуй много шире функций каждого отдельно взятого персонажа, а само понятие «гуй» не перекрывается ни одним из предложенных переводных эквивалентов. Выполняемые гуй функции в русской и западной традициях распределяются между более, так сказать, узко специализированными персонажами сверхъестественного мира. В свою очередь, синкретизм понятия «гуй» в китайской традиции также должен получить удовлетворительное и убедительное объяснение, и это вторая, не менее важная, проблема, возникающая перед исследователями. Но мы оставим ее на будущее.

¹ Эта синкретичность является отражением функциональной неразделенности. Однако внешне гуй различны, на материале ТПЦ можно выделить три более или менее устойчивые группы. Первая: души умерших, являющиеся в человеческом облике (великаном или карликом), но с каким-либо необычным свойством: черты лица, хвост, лапы тигра и пр. Вторая: души, являющиеся в звероподобном облике, иногда с элементами человеческого тела. Третья: души умерших, являющиеся в нормальном человеческом облике. Душам умерших женщин свойственна, как правило, неземная красота. В китайском тексте в подавляющем числе случаев эти герои обозначаются иероглифом *гуй*, в русской же традиции филиация этих обозначений значительно разнообразнее.